

Л.Н. Борох

ИБ РАН

Размышления Лян Цичао о политической роли буддизма

На рубеже XIX–XX вв. Лян Цичао, разрабатывая собственную концепцию спасения Китая, не только опирался на политический опыт Запада, но и обращался к религиозной проблематике. Этот факт менее известен. Сложившиеся у него взгляды на роль религии в историческом процессе специально не исследовались. Представлениям о том, нужна ли его соотечественникам вера (*синьян*) как средство управления массами и возможно ли религией заменить образование, была посвящена его специальная работа «О связи учения Будды с управлением массами» [2, с. 144–150]¹.

Лян Цичао полагал, что в мире на эту проблему существуют различные взгляды. Одни считают, что образование может заменить религию. И действительно, есть страны, где у людей, получивших образование, сила «дэ» и сила разума (*чжи*) уравниваются. В этом случае отсутствие веры вреда не принесет. Но в нынешнем Китае, полагал Лян Цичао, сложилась ситуация, когда проблема веры стала актуальной и ее нельзя не обсуждать, поскольку необходимо уяснить, какая из религий эту веру может дать. У многих людей, обладающих знаниями, возникает вопрос: поскольку в Китае есть конфуцианство, то к чему вести эти споры. Лян Цичао пояснил, что учение Конфуция дает человеку образование (*цзяоюй чжи цзяо*), но оно не является религиозным учением (*цзунцзяо*). Главное в конфуцианстве – «свершение дел» (*ши син*), а не вера. Его успех очевиден в эпоху развития цивилизации, а не в эпоху дикости. Оценивая изменения, произошедшие в Китае, он отмечал, что появилось течение, сторонники которого «очарованы ветром с Запада». Они считают, что европейцы и американцы обрели свою мощь благодаря христианству, поэтому также намерены следовать этому выбору. Лян Цичао с их позицией был категорически не согласен, полагая, что отношение китайцев к христианству складывалось неестественным путем. По его мнению, если Китай является государством, которое ранее не имело

© Борох Л.Н., 2009

веры, а ныне намерено ее обрести, то следует стремиться к самому высокому. Завершая вступительную часть, он писал: «Мой наставник (т.е. Кан Ювэй. – Л.Б.) много занимался буддизмом. И о буддизме я позволю себе порассуждать» [2, с. 144].

Лян Цичао выделил пять особенностей этой религии.

1. Вера в буддизме есть вера в разум (*чжи синь*), а не в предрассудки (*ми синь*).

Доказывая этот тезис, Лян Цичао привел три высказывания Конфуция:

«Если знаешь что-либо, полагай, что знаешь; а если не знаешь, полагай, что не знаешь. Это и есть знание» [1, с. 313].

«Обладаю ли я знаниями? Нет, [я знаю мало]» [1, с. 364].

«Мы еще не разобрались в жизни, что же мы можем знать о смерти?» [1, с. 376].

На наш взгляд, интерес представляет авторский комментарий к этим изречениям. В учении Конфуция (в частности, в приведенных высказываниях), по мнению Лян Цичао, прослеживается одна особенность – допускается умолчание (пропуск), т.е. не дается прямой и полный ответ, «„сомнительное“ остается как бы под вопросом». В других учениях на первом месте стоит «пробуждение веры». По его мнению, если человек с пониманием сознательно принимает веру – это вполне возможно. Если же его верить принуждают, то такое восприятие есть самообман и распространение предрассудков. В последнем случае, замечал Лян Цичао, «на вопрос о высоких принципах часто приходилось слышать, что это знает творец, а для нас оно непостижимо» [2, с. 145]. Он полагал, что современники поверхностно знакомы с утонченными суждениями Будды и полагают, что его учение не годится для управления массами. Их больше интересует европейская философия нового времени. По его же мнению, уровень рассуждения европейских философов нового времени «не достигает и одной десятой уровня учения Будды». Он усматривал расхождение в том, что когда его современники (европейские и американские ученые) ведут речь о вере, то они придерживаются мнения, что мудростью религиозного наставника верующие никогда не смогут обладать. В буддизме, по определению Лян Цичао, сложились совершенно другие представления, которые очень ему импонировали: «Мудрость верующих непременно должна быть равна мудрости наставника» [2, с. 145]. Для этого, как он полагал, в буддизме используется метод пробуждения веры, именно поэтому в буддизме есть вера, а не суеверия. Подводя итог своим размышлениям по первому тезису, Лян Цичао ссылался на философию «современного мудреца Г. Спенсера», который ввел разделение на «познаваемое» (*кэ чжи*) и «непознаваемое» (*бу кэ чжи*), и на авторитет Конфуция, который оставлял «сомнительное» под вопросом. Он полагал, что необходимо стремиться к постижению гармонии религии и философии. Завершая этот раздел, Лян Цичао писал: «Идеи Г. Спенсера – это идеи переходного периода в мире науки, а учение Будды позволит в конце концов окончательно понять ее суть» [2, с. 145].

2. Следование буддизму есть проявление добра ко всем (*цзянь шань*), а не только к отдельному человеку (*ду шань*).

Лян Цичао исходил из того, что создатель любого учения стремится к тому, чтобы именно его идеи изменили Поднебесную. Поэтому все они выдвигают лозунг «добро для всех». В этом отношении, по мнению Лян Цичао, никого нельзя сравнить с последователями буддизма. Обратившиеся к этой религии имеют на выбор два варианта: одни – идти по пути бодхисаттв и стать Буддой; другие – познать истину архатов (*алохань* – в хинаяне это буддист, достигший высшего совершенства и свободный от дальнейших перерождений).

Лян Цичао писал, что каждый, кто изучал буддизм, стремился обрести статус Будды, но этого еще ни разу не произошло. Принесение себя в жертву ради великого дела спасения людей, как он полагал, есть только в буддизме. По мнению Лян Цичао, это объясняется тем, что природа Будды и всех живых существ имеет единый источник происхождения. Именно поэтому он пришел к выводу, что не может быть такого, чтобы люди заблуждались, а только у меня наступило прозрение; чтобы множеству людей было тяжело, а только я один испытывал бы радость. Этот принцип, как полагал Лян Цичао, распространяется и на каждого отдельного человека, и на его роль в политической жизни: «Не может быть такого, чтобы весь народ был бы глупым, и только я один способен все познать; чтобы народ государства находился в опасности, а только я один бы сохранял спокойствие; весь народ изнемогал бы от горя (*цуй*), и только я один испытывал бы радость. Так управлять нельзя» [2, с. 146].

3. Вера в учение Будды требует вхождения в мирские дела, а не ухода от них.

Уже в предшествующем разделе Лян Цичао упоминал о различных уровнях постижения буддизма: «Тот, кто идет по пути бодхисаттвы, должен стремиться стать Буддой; тот, кто совершенствуется в индивидуальном прозрении, не должен стремиться стать Буддой» [2, с. 146]. Именно эта «норма», по мнению автора, определила важнейшую особенность этой религии: буддизм не предполагает бегство от мирских дел (*янь ши*)². Свою идею он пояснял следующим образом: когда Будда говорил о рае, то это не рай, который имеет форму, который представляет какой-то другой мир. Он имел в виду «собственное сердце», «собственные намерения» (*бэнь синь*). Как писал Лян Цичао, «рай, ад – все это чистая земля (*цзин ту*)» [2, с. 146]. Поскольку мир в своем развитии еще не пришел к тому, чтобы все стали Буддами, то необходимо действовать. Люди глупые и заблуждающиеся ждут, чтобы их спасли, они не надеются на то, что можно создать новый мир. Что же касается людей знающих, то мир у них иной – он приносит им радость. «Кто же [в этой ситуации] будет нести ответственность за эволюцию?» – писал Лян Цичао [2, с. 147]. В этом контексте он привел одну из буддийских притч. «Ученики спросили у Будды: кто должен спуститься в ад? На что тот ответил: «Будда должен спуститься в ад, и не только спуститься, но и постоянно жить там; не

только постоянно жить там, но и постоянно радоваться, но и совершенствовать и обустривать (*чжуан янь*) его» [2, с. 147]. В качестве аргумента в правомерности подобного решения Лян Цичао ссылаясь на европейский опыт: «В Европе и Америке несколько столетий назад был мир ада, а сегодня уже он эволюционировал, и опорой тому послужили действия человеколюбых и благородных людей» [2, с. 147]. Завершая раздел, он отметил, что эти идеи можно понимать и в узком, и в широком смысле. В узком смысле, пояснял Лян Цичао, речь идет о спасении одной страны, в широком – о спасении всего мира (*ду шицзе*).

4. Вера в буддизм беспредельна и не имеет границ.

Раскрывая содержание этого тезиса, Лян Цичао развивал идею, что и культура Древнего Египта, и христианство не смогли преодолеть сложившиеся предрассудки относительно души и формы. В ходе этих размышлений он пришел к выводу, что учение христианства о душе не такое полное, как буддизм.

5. Вера в буддизм основана на признании равенства, а не различий.

Лян Цичао полагал, что в отличие от других религий, согласно которым жизнь живых существ подчинена одному «высокопочитаемому» (*цзунь*), буддизм признает, что в каждом живом существе есть природа Будды. Цель этой религии заключается в том, чтобы все люди смогли бы стать равными Будде. При диктатуре (*чжуань чжи чжэн ти*) и при конституционной системе люди находятся в подчинении. По словам Лян Цичао, только тогда, «когда я подчиняюсь себе, то радость и горе я испытываю сам». Он не отрицал, что существуют и хорошие религии, но все они, по его мнению, «хороши для периодов *цзюй луань* и *сяокан*, тогда как буддизм подходит для всех трех эпох (*сань ши*)» [2, с. 148]. Иными словами, Лян Цичао считал буддизм приемлемым и востребованным в мире Датун.

6. Вера в буддизм – это вера в собственные силы, а не в силы других.

Выдвинув этот тезис, Лян Цичао размышлял о том, что каждая религия непременно касается вопроса о людском горе и счастье. Молитва и ритуал – это главный способ для человека добиться благоволения (*сю фу*). Буддизм, по его мнению, видит мир по-иному: все, что происходит, имеет свою причину (*инь*) в прошлом, а то, что происходит сегодня, станет причиной в будущем: «Если сегодня совершается доброе деяние (*шань инь*), то беспокоиться о том, что в будущем не получишь воздаяния, не следует» [2, с. 149]³. По мнению Лян Цичао, вера в буддизм требует от человека тщательного отношения к любому деянию, поскольку «мы уже что-то совершили, и они (т.е. потомки. – Л.Б.) уже не смогут за нас устранить содеянного», т.е. новые поколения столкнутся с ошибками поколений предшествующих. Завершая свои рассуждения, Лян Цичао обращал особое внимание на буддийскую концепцию «двух пространств»: мира вещей (*ци цзянь*), т.е. пространства космоса, и мира чувств (*цин цзянь*), т.е. пространства живых существ [2, с. 149].

В ситуации, когда «мир погряз в пороках», а лично сам не можешь обрести «чистую землю», Лян Цичао предлагал два решения. Первое: необходимо срочно совершать реальные «добрые дела» (*шань инь*) для своего индивидуального спасения. Второе: необходимо срочно совершать дела, чтобы спасти от разрушения «мир вещей». Поскольку ни он лично, ни другие люди не могут стать Буддой, необходимо немедленно совершать реальные «добрые дела» для своего спасения. Необходимы также срочные действия для спасения от разрушения мира вещей. Развивая мысль о необходимости спасения мира вещей от разрушения, он особенно резко критиковал разложившиеся политические структуры. По мнению Лян Цичао, государство пришло в упадок «не за один день, не за одну ночь». Это результат деяний живших раньше людей. Нынешние поколения лишь получают «злое воздаяние» (*э ди*) за дела поколений предшествующих. Поэтому необходимо срочно совершать добрые дела, хотя точно неизвестно, когда будут получены результаты, т.е. воздаяние за них: или через один-два года, или через несколько десятилетий, или спустя столетия. Лян Цичао пришел к выводу, что независимо от столь отдаленных сроков нынешнее поколение должно немедленно начать свершать добрые дела, воздаяние за которые потомки получают в близком или далеком будущем, через один-два года, десять лет, сто лет. Только в этом случае, по его словам, «наше государство сможет включиться в эволюционный процесс и перестанет быть нищим (*у цюнь*)» [2, с. 149]. Лян Цичао оценивал учение о воздаянии как самое высокое и глубокое, широкое и ясное. По его мнению, эволюционные теории Дарвина и Спенсера по своей сути не выходят за пределы двух иероглифов – «инь» – «го» (причина – результат).

Подводя итоги своим размышлениям, Лян Цичао писал, что обычно религии обещают человеку помощь Неба – и только. В отличие от них буддизм предлагает ему сделать собственный выбор. По его мнению, в древней китайской философии, а именно у Мэн-цзы эта идея также встречается: «Когда Небо посылает несчастье, то его еще можно избежать, но если мы сами причиняем себе несчастье, то его невозможно избежать»⁴.

Сочинение Лян Цичао завершалось небольшим заключением, где автор отметил, что выделенные им шесть тезисов – это неперемutable условие веры в буддизм, которому, по его мнению, присущи широта и глубина. Лян Цичао допускал как вполне возможное, что лично он, рассуждая о буддизме, в чем-то может глубоко заблуждаться и ошибаться. В целом же его рассуждения – это один из способов познать и представить буддизм как религию.

Примечания

¹ Работа написана в 1902 г. и была опубликована в *Синьминь цунбао*. Стоит из введения и шести разделов. Это сочинение Лян Цичао нельзя отнести к жанру публицистики. Структура текста (деление его на вступление и шесть разделов), манера изложения материала позволяют рассматривать его как попытку научного исследования проблемы.

² В этом контексте Лян Цичао делает критические замечания по поводу ученых сунской эпохи, которые, по его мнению, стремились отвлечь человека от мирской суеты. Он также негативно оценивал христианскую концепцию Небесного государства.

³ Поясняя свою мысль, Лян Цичао писал, что этот процесс похож на отправление телеграммы: если тронуть аппарат на Востоке, то сигнал не изменяясь дойдет до аппарата на Западе.

⁴ Слова принадлежат шанскому правителю Тайцзя. Русский перевод цит. по: Мэн-цзы. Гл. II. Гунсунь Чоу. II А, 4 [3, с. 276].

Литература

1. *Конфуций*. Лунь юй. М., 1998.
2. *Лян Цичао*. Лунь фо цзяо юй цюнь чжи чжи гуаньси (О связи учения Будды с управлением массами) // Лян Цичао чжэсюэ сысян луньвэнь сюань (Избранные философские статьи Лян Цичао). Пекин, 1984, с. 144–150.
3. Мэн-цзы // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сышу»). М., 2004.